

Д.А.Клестов
**«БЕЗ ОРУЖИЯ»:
ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
НАСИЛЬСТВЕННОГО
И НЕНАСИЛЬСТВЕННОГО ПРОТЕСТА
В СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Даниил Александрович Клестов — аспирант Аспирантской школы по политическим наукам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: daklestov@hse.ru.

Аннотация. Статья посвящена разбору академической дискуссии вокруг концептуализации насильственного и ненасильственного протеста. Кратко обозначив основные вехи в изучении протестных движений, автор фокусируется на концепции Эрики Ченовет и ее базе данных *Non-violent and Violent Campaign Outcomes (NAVCO)*. Отталкиваясь от этой концепции и базы данных, а также высказываемых в их адрес критических замечаний, он демонстрирует концептуальную неразбериху в определении и разграничении насильственных/ненасильственных и вооруженных/невооруженных протестов. Согласно его изначальной гипотезе, такая неразбериха во многом проистекает из отсутствия внимания к степени насилия и игнорирования его относительности, однако неспособность сформулированной им с учетом этих факторов альтернативной концептуализации дать ответ на целый ряд вопросов, возникающих при изучении протестных кампаний, заставляет его констатировать, что истоки сложившейся ситуации гораздо глубже.

Подробно рассмотрев совокупность проблем, с которыми сталкиваются исследователи протестов, автор высказывает предположение, что по крайней мере некоторые из них позволят решить возвращение к контексту, что в свою очередь требует отказа от методологической гомогенизации и включения в исследовательский арсенал, наряду с количественными, качественных методов. Вместе с тем, по его заключению, общая концептуализация насильственных/ненасильственных, равно как и вооруженных/невооруженных, протестов невозможна и бессмысленна. Она всегда будет наталкиваться на ограничения, преодолеть которые политическая наука не в состоянии.

Ключевые слова: насильственный протест, ненасильственный протест, ненасильственное сопротивление, вооруженное коллективное насилие, вооруженная максималистская кампания, вооруженная максималистская кампания

Введение

Теме насильственных и ненасильственных протестов посвящен большой пласт текстов в политической науке. Импульс к появлению исследований о протестном насилии (и теории революций в целом) дали революционные выступления начала XX в. Стартовой точкой для изучения ненасильственных кампаний в свою очередь стало движение за независимость Индии во главе с Махатмой Ганди (1919—1948 гг.), участники которого сознательно отказались от применения насилия как средства достижения своих целей. Это движение принято считать первым полноценным примером гражданского сопротивления¹.

¹ *Nepstad 2015.*

Успехи движения Ганди в противостоянии заведомо более сильной в военном и экономическом плане английской колониальной администрации привлекли к нему внимание исследователей, и уже в 1923 г. вышла первая посвященная ему книга — «Ненасильственное принуждение: исследование методов социального давления» за авторством Кларенса Кейса². А в 1938 г. в своей работе «Сила ненасилия»³ Ричард Грегг впервые теоретически сформулировал положение о ненасилии как о методе протеста. Для описания его преимуществ Грегг использовал термин «моральное джиу-джитсу» — ослабление противника, использующего насилие, путем отказа от мщения и стоического принятия любого урона, что приводит либо к моральному принижению оппонента, либо к делегитимации его действий в глазах общественности⁴.

² *Case 1923.*

³ *Gregg 1938.*

⁴ *Ibid.: 22—23.*

Следующим поворотным моментом явилась третья волна демократизации, во время которой из редких и уникальных ненасильственные формы протеста превратились в обычную протестную тактику, особенно в странах Восточной Европы. В ряде случаев ненасильственные протесты завершились победой протестующих и началом демократического транзита. Конечно, «бархатность» «Осени народов» не в последнюю очередь объяснялась жестким контролем над оборотом оружия в режимах советского типа, вследствие чего у людей просто не было доступа к нему, во всяком случае в сколько-нибудь заметных масштабах. Тем не менее академический интерес к ненасильственным протестам и протестным движениям в целом заметно вырос.

Новый виток в развитии данной темы связан с повсеместным ростом числа протестных акций в начале XXI в. Всего за период с 2006 по 2013 г. в мире зафиксированы 843 протестные кампании. При этом если в 2006 г. их было 59, то в 2012 г. — уже 160, а за одну только первую половину 2013 г. — 111⁵. Вкупе с такими феноменами, как «цветные революции» и «Арабская весна», это стало ключевой причиной повышения интереса исследователей к изучению протестов, особенно в случаях, когда они приводят к смене режима и гражданским войнам.

⁵ *Ortiz et al. 2021: 2.*

Концепция Эрики Ченовет и Марии Стефан и ее критика

⁶ *Chenoweth and Stephan 2011. Изложенные в книге идеи в дальнейшем развивались и конкретизировались в целой серии работ Ченовет (см., напр. Chenoweth and Lewis 2013; Chenoweth and Schock 2015; Chenoweth, Perkoski, and Kang 2017; Chenoweth, Pinckney, and Lewis 2018; Chenoweth 2021; Chenoweth, Hocking, and Marks 2022; Chenoweth and Shay 2022), поэтому соответствующую концепцию принято связывать с ее именем.*

⁷ *Впоследствии эта база данных несколько раз расширялась, и сегодня представленный в книге вариант обозначается как NAVCO 1.1.*

⁸ *Chenoweth and Stephan 2011: 23.*

⁹ *Ibid.: 47–49.*

¹⁰ *Ibid.: 25–26.*

¹¹ *См., напр. Rasler 2017; Kadivar and Ketchley 2018; Sullivan 2018.*

¹² *Chenoweth and Stephan 2011: 3.*

¹³ *Sarkees and Wayman 2010: 66.*

¹⁴ *См. Chenoweth 2019: 32.*

В 2011 г. Эрика Ченовет и Мария Стефан вывели тему насильственных и ненасильственных протестов на новый уровень, выпустив книгу «Почему гражданское сопротивление работает: стратегическая логика ненасильственного конфликта»⁶, где тестировали гипотезу о большей эффективности ненасильственных протестов по сравнению с насильственными. В своем исследовании авторы опирались на сформированную ими базу данных *Nonviolent and Violent Campaign Outcomes* (NAVCO), включавшую 323 протестных выступления, имевшие место с 1900 по 2006 г.⁷ В качестве основной единицы была выбрана протестная кампания (точнее, кампания-год).

Анализ вошедших в базу протестных выступлений показал, что насильственные кампании достигали успеха в 26% случаев, а ненасильственные — в 53%⁸. Ключевым же фактором победы была численность протестующих на пике кампании. Отталкиваясь от своих подсчетов, авторы пришли к выводу, что, если протест мобилизует 3,5% населения страны, его победа практически гарантирована⁹. В свою очередь это трактовалось как подтверждение преимущества ненасильственных методов: гражданское сопротивление способно привлечь гораздо больше людей, чем насильственные акции, поскольку последние требуют от участников физической и, главное, моральной готовности быть жертвой и превратить в жертв своих оппонентов¹⁰.

Несмотря на все свое значение, книга Ченовет и Стефан подверглась серьезной критике¹¹. Попробуем суммировать предъявляемые к ней претензии.

Ключевая проблема книги — разграничение насильственного и ненасильственного протеста. На первых ее страницах дается очень широкое определение насилия, охватывающее «взрывы, перестрелки, похищения людей, физический саботаж, такой как разрушение инфраструктуры, и другие виды физического ущерба людям и имуществу»¹². Однако в базе данных насилие закодировано как вооруженное выступление. И это не случайно. Используемое в NAVCO кодирование насилия основано на базе данных *Correlates of War*, где вооруженный конфликт как единица измерения предполагает обязательное наличие вооруженных комбатантов и не менее тысячи погибших в бою¹³. В свою очередь Ченовет и Стефан включали в базу данных протесты с не менее чем тысячью участников, а под насильственным подразумевали протест, участники которого вооружены огнестрельным оружием. В итоге случаи невооруженного коллективного насилия оказывались в категории ненасильственных выступлений.

И хотя в приложениях к NAVCO версий 1.1, 1.2 и 1.3 оговаривается, что в качестве насильственных рассматриваются кампании, которые во время наблюдения были преимущественно насильственными (то же касается и ненасильственных кампаний)¹⁴, среди кейсов, отмеченных как ненасильственные кампании, немало протестов, участники которых широко использовали невооруженное насилие. Так, в NAVCO 1.3 как ненасильственные закодированы, в частности, Египетская рево-

люция 2011 г., Евромайдан 2013—2014 гг., движение «Желтых жилетов» 2018—2019 гг. и выступления за независимость Каталонии 2019 г.

Вызывает вопросы и само содержание базы данных. Среди насильственных кампаний там представлены прежде всего партизанские и гражданские войны (главным образом в странах Латинской Америки и Африки). Например, в NAVCO 1.1 они составляют почти 58% насильственных кампаний. При этом в качестве ненасильственных в основном указаны крупные городские выступления 1980—2000-х годов, а большинство насильственных кампаний — это партизанские и гражданские войны, приходящиеся на период с 1900 по 1970-е годы. Как следствие, база данных оказывается наполнена полярными кейсами: крупными городскими выступлениями (зачастую представителей среднего класса) с большим числом участников, с одной стороны, и малочисленными партизанскими/гражданскими войнами — с другой. Это заставляет усомниться в достоверности делаемого на основе NAVCO вывода относительно одного из главных преимуществ ненасильственных кампаний — их способности принимать массовый характер: вполне очевидно, что в случае *крупных* городских выступлений участников будет больше, чем в случае *малочисленных* партизанских/гражданских войн.

Важно учитывать также, что партизанские и особенно гражданские войны ввергают страну в состояние failed state, в свою очередь предполагающее отсутствие сколько-нибудь дееспособного политического режима. Именно за его установление и идет борьба. Но, самое главное, эта борьба практически никогда не оставляет иной альтернативы, кроме использования вооруженного насилия. Когда Ченовет и Стефан говорят о привлекательности гражданского сопротивления по сравнению с насильственным, они подразумевают наличие выбора у участников кампании. Однако в подавляющем большинстве случаев партизанских и гражданских войн такого выбора попросту нет¹⁵.

Книга Ченовет и Стефан вдохновила немало исследователей, однако ее значение, на наш взгляд, определяется в первую очередь тем, что она вскрыла важную концептуальную проблему. Что считать насильственным и ненасильственным протестом? Как разграничить эти два понятия? Что именно должно выступать гранью между ними? Отсутствие убедительных и комплексных ответов на эти вопросы стало причиной искажения в результатах исследования не только самих Ченовет и Стефан, но и других авторов, поскольку рассматриваемая книга, по сути, задала тренд в политической науке. Многие работы, посвященные насильственным и ненасильственным протестам (и прежде всего факторам, влияющим на выбор протестной тактики), берут за основу представленное в ней определение, приравнивая насильственные протесты к вооруженным (с использованием огнестрельного оружия) выступлениям, а все остальные трактуя как ненасильственные¹⁶. На наш взгляд, это большая концептуальная ошибка. Насилие без применения огнестрельного оружия — такой же способ давления на власть, как и

¹⁵ Этот изъян в построениях Ченовет и Стефан не был замечен их критиками.

¹⁶ См., напр. Tompkins 2015; Pinckney 2020; Waller 2021; Устюжанин, Гринин и др. 2022.

с его применением. Поэтому протесты, в ходе которых задействовалось невооруженное насилие, концептуально ближе к вооруженным кампаниям, нежели к ненасильственным. Именно с выходом в свет книги Ченовет и Стефан эта проблема попала в поле зрения исследовательского сообщества.

Среди поднимающих ее работ особого упоминания заслуживают две статьи (что примечательно — с похожими названиями), опубликованные в 2018 г., — «Палки, камни и коктейли Молотова: невооруженное коллективное насилие и демократизация» Мохаммеда Али Кадивара и Нейл Кетчли¹⁷ и «Палки, камни и сломанные кости: протестное насилие и государство» Хизер Салливан¹⁸.

¹⁷ Kadivar and Ketchley 2018.

¹⁸ Sullivan 2018.

Критикуя подход Ченовет и Стефан к разграничению насильственных и ненасильственных протестов, Кадивар и Кетчли обращают внимание на то, что в большинстве представленных в NAVCO кейсов ненасильственных кампаний их участники прибегали к насилию, причем иногда достаточно масштабному. В связи с этим, опираясь на работу Чарльза Тилли «Политика коллективного насилия»¹⁹, они вводят понятие невооруженного насилия, определяя его как эпизоды социального взаимодействия, в ходе которых в результате скоординированных действий по крайней мере двух невооруженных гражданских лиц немедленно причиняется физический ущерб людям и/или объектам без применения огнестрельного оружия или взрывчатых веществ²⁰.

¹⁹ Tilly 2003.

²⁰ Kadivar and Ketchley 2018: 3.

К сожалению, далее фокус работы с проблемы концептуализации смещается на обоснование эффективности невооруженного насилия в противостоянии авторитарным режимам. Как отмечают Кадивар и Кетчли, треть рассмотренных ими случаев постреволюционных демократизаций стали следствием протестов с использованием невооруженного насилия²¹.

²¹ Ibid.: 13.

В свою очередь Салливан указывает на то, что применительно к отдельным регионам выводы Ченовет и Стефан о более высокой эффективности гражданского сопротивления выглядят сомнительными, особенно при увеличении количества кейсов и включении в их число не только максималистских кампаний²². Так, исследования протестов в Латинской Америке демонстрируют, что насилие может быть эффективнее ненасильственного сопротивления и чаще приводит к смене режима²³. Чрезвычайно важным представляется также ее замечание, что, игнорируя невооруженное насилие в целях классификации протестных выступлений, мы можем упустить саму динамику протеста, так как успех некоторых принципиально ненасильственных кампаний может быть обусловлен действиями их радикальных флангов, не чурающихся насилия. Более того, она полностью солидаризируется с заключением Курта Шока, согласно которому «невооруженные восстания редко бывают полностью ненасильственными, поскольку в ходе этой напряженной борьбы могут происходить беспорядки, поджоги и убийства противников или сотрудников правительства»²⁴. Тот факт, что, отдавая себе отчет в трудности разграничения насильственных и ненасильственных

²² То есть кампаний, целью которых является смена режима или национальное самоопределение (см. Chenoweth and Stephan 2011: 68).

²³ Sullivan 2018: 3.

²⁴ Цит. по: Sullivan 2018: 3.

кампаний, Ченовет и Стефан в итоге характеризуют их как *в основном* насильственные / *в основном* ненасильственные, с ее точки зрения, проблему не решает. Однако, признавая наличие самой этой проблемы, Салливан не предлагает какой-либо новой концептуализации, уводя исследование в сторону доверия к политическим институтам как фактора эскалации насилия протестующими (на примере Мексики).

**Ответ Ченовет
и проблема кон-
цептуализации
насильственного
и ненасильст-
венного протеста**

²⁵ *Chenoweth 2023.*

²⁶ *Ibid.: 58.*

Ответом на волну критики стала вышедшая в конце 2023 г. статья Ченовет «Роль насилия в ненасильственном сопротивлении»²⁵, где представлен обзор научной дискуссии о насильственных и ненасильственных протестах, охватывающий ключевую литературу последних лет. Учитывая аргументы критиков, Ченовет отмечает, что игнорирование невооруженного коллективного насилия было важнейшим упущением ее первых работ и ненасильственное сопротивление следует рассматривать как одну из разновидностей *невооруженного* сопротивления²⁶. По сути дела речь идет о признании того, что ненасильственное сопротивление сосуществует с невооруженным насилием, в том числе в рамках отдельных протестных кампаний.

²⁷ *Ibid.: 66.*

Вместе с тем при защите Ченовет базы NAVCO бросается в глаза некоторое лукавство. «При классификации оппозиционных кампаний, — утверждает она, — база данных NAVCO исходит из того, применялось ли подавляющее большинство методов сопротивления невооруженными гражданскими лицами и включали ли они в себя такие методы, как протесты, забастовки и отказ от сотрудничества, не причинявшие и не грозившие причинением вреда оппоненту. Тем самым определение [ненасильственной кампании] допускает отдельные массовые беспорядки, невооруженное коллективное насилие или даже организованные вооруженные акции, пока они составляют незначительную часть действий в рамках более широкой кампании»²⁷. Однако среди кампаний, отнесенных в NAVCO к ненасильственным, есть немало таких, где насилие, включая вооруженное, составляет не незначительную, а основную часть действий. И наиболее показательны в этом плане даже не движение «Желтых жилетов», Евромайдан и Египетская революция 2011 г., которые начинались преимущественно ненасильственно и только потом перешли к масштабному насилию. В качестве ненасильственной кампании в NAVCO фигурирует, например, Венгерское восстание 1956 г. — самое масштабное вооруженное выступление против просоветского режима в истории Варшавского договора. Его участники с самого начала обзавелись оружием и организовано выступили против советской армии. Согласно статистическим данным, по ходу восстания и в связи с ним погибло свыше 2,5 тыс. человек и более 19 тыс. было ранено²⁸. Точно так же классифицированы гражданская война в Греции 1946—1949 гг., восстание сапатистов в Мексике 1994 г. и Косовская война 1998—1999 гг. И это только наиболее вопиющие примеры. На деле их гораздо больше.

²⁸ *Советский Союз 1998: 559.*

Вместе с тем Ченовет признает, что возможны и другие подходы к разграничению насилия и ненасиления. Многие базы данных включают в категорию насильственных протестов те кампании, что сопровождаются уничтожением имущества, гибелью людей или нанесением физического урона²⁹. Однако в этом случае мы впадаем в другую крайность, когда большая часть кейсов переходит в разряд насильственных. Отсюда главная проблема развернувшейся дискуссии — концептуальная неразбериха, одним из следствий которой стал отказ большинства исследователей от классификации кампаний как насильственных и ненасильственных в пользу разделения их на вооруженные и невооруженные³⁰. При этом для выявления значимости невооруженного насилия задействуются разные методы. Так, в рамках используемой Кадиваром и Кетчли базы данных *World Handbook of Governance Indicators* вычисляемый ежемесячно показатель невооруженного коллективного насилия объединяет в себе «диффамацию в знак протеста» и «массовые беспорядки»³¹. В свою очередь Марк Бейсингер предпочитает оценивать степень насилия по показателю смертности в ходе протестной кампании³². Что касается самой Ченовет, то при наличии в кампании невооруженного насилия она продолжает отделять его от ненасильственного сопротивления, относя обращающихся к нему к особым радикальным флангам³³. Это хороший прием при анализе хода протестной кампании, но он никак не приближает к решению задачи проведения четкой границы между насильственным/ненасильственным и вооруженным/невооруженным протестом.

²⁹ *Chenoweth 2023*: 66.

³⁰ *Ченовет считает этот шаг продуктивным, так как он устраняет необходимость субъективной оценки событий (Ibidem).*

³¹ *Kadivar and Keichley 2018*: 4.

³² *Beissinger 2022*: 110.

³³ *Chenoweth 2023*: 58.

В итоге Ченовет выделяет четыре категории протестов: ненасильственное сопротивление, невооруженное коллективное насилие, невооруженное сопротивление и вооруженное сопротивление³⁴. С первыми тремя все относительно ясно. Это виды сопротивления, которые не предполагают применения оружия, но включают нанесение физического урона, а также ущерба собственности и инфраструктуре (либо напрямую — в случае невооруженного коллективного насилия, либо косвенно, путем забастовок, стачек, перекрытия дорог и т.д., — при ненасильственном сопротивлении). При этом Ченовет абстрагируется от вопроса о том, является ли имущественный и инфраструктурный ущерб видом насилия, отказываясь участвовать в идущих по этому поводу дискуссиях. Ее нежелание лезть в терминологические и концептуальные дебри можно понять, но в данном случае оно сказывается на качестве рассуждений, что особенно отчетливо видно при обращении к предлагаемому Ченовет определению вооруженного сопротивления как «коллективных действий, в которых люди или группы физически атакуют оппонентов или наносят им урон, используя летальное оружие»³⁵. Заменяв огнестрельное оружие на летальное, Ченовет расширяет понятие, но не конкретизирует, что имеет в виду. Ловушка в том, что помимо очевидного летального (огнестрельного и холодного) оружия, предназначенного для уничтожения человека, и очевидного нелетального, чья цель — обезвредить человека, лишить его возможности сопро-

³⁴ *Ibid.*: 57—58.

³⁵ *Ibid.*: 58.

тивляться (в основном это полицейские спецсредства, а именно ружья с резиновыми пулями, светошумовые гранаты, слезоточивый газ и т.д.), есть оружие, которое нельзя однозначно отнести к одному из двух видов. Речь идет о предметах, которые изначально не задумывались как оружие, но могут превратиться в таковое в руках протестующих: битах, арматуре, бутылках и т.д. Если их применение привело к смертельным исходам, означает ли это, что протест был вооруженным? Кроме того, нелетальное оружие тоже может причинить смерть, и это важно, поскольку протестующие могут отобрать его у сотрудников полиции. То есть речь идет не о концептуальных придирках, а о существенных изъянах в построениях Ченовет — отсутствии внимания к степени насилия и игнорировании его относительности.

Относительность насилия

³⁶ См., напр. Тилли 2019.

³⁷ Kadivar and Ketchley 2018: 3.

³⁸ См., напр. Beissinger 2022.

Как уже говорилось, некоторые исследователи, развивая идеи Тилли относительно невооруженного коллективного насилия³⁶, характеризуют его как эпизоды социального взаимодействия, в ходе которых в результате скоординированных действий по крайней мере двух невооруженных гражданских лиц причиняется физический ущерб людям и/или объектам³⁷. Проблема с данной формулировкой при проведении границы между насильственным и ненасильственным / вооруженным и невооруженным протестом заключается в том, что она предполагает минимальное количество гражданских лиц, совершающих насильственные действия. По сути, получается, что, если из толпы протестующих хотя бы два человека полезут в драку или, скажем, начнут бить витрины, протестную кампанию следует квалифицировать как насильственную (или, по крайней мере, выделить этих двоих в особый радикальный фланг). Трудно называть удовлетворительным и подход к определению насильственности/ненасильственности протеста по числу пострадавших, тем более что в его рамках обычно не оговариваются причины, приведшие к их появлению³⁸. Между тем в толпе людей могут просто случайно толкнуть или затоптать. Поэтому само наличие пострадавших еще не свидетельствует о том, что протест был насильственным.

Необходимо также учитывать, что насилие всегда относительно. Одно дело — хорошо организованное вооруженное восстание, и совсем другое — беспорядочные акты, не влияющие на ход протестной акции. Более того, при разном количестве протестующих одни и те же появления насилия имеют разное значение. Так, для протестной акции в сто тысяч человек несколько разбитых витрин и пострадавших полицейских — это не более чем случайные эксцессы. Если же число участников насчитывало лишь несколько сотен, аналогичный ущерб будет определять сам характер акции. И отразить эту зависимость между значимостью насильственного акта и численностью участников протеста с помощью переменной в базе данных попросту невозможно.

Новая концептуализация и старые проблемы

Учитывая изъяны существующих подходов к идентификации насильственных и ненасильственных протестов, в свое время мы попытались разработать альтернативную классификацию протестных кампаний, принимающую во внимание материальный урон, наличие пострадавших и степень насилия. В основу разграничения была положена та мера, в которой насилие (в том числе материальное) используется как средство давления на власть и достижения целей протестующих. В итоге было выделено четыре типа кампаний:

- 1) ненасильственные — кампании, в которых не применялось насилие или оно было незначительным относительно численности участников, хаотичным, неорганизованным и не влияющим на исход протеста;
- 2) с низким уровнем насилия — кампании, участники которых в виде отдельных групп наносили заметный, но сравнительно небольшой ущерб государственной и/или частной собственности (били витрины, переворачивали машины и т.д.) и/или вступали в столкновения с представителями правоохранительных органов;
- 3) со средним уровнем насилия — кампании, в которых большое количество участников наносило серьезный материальный ущерб (от несколько сотен тысяч до нескольких миллионов в пересчете на доллары США) государственной и/или частной собственности и/или вступало в столкновения с представителями правоохранительных органов. Кампании этого типа не исключают использования протестующими нелетального и холодного оружия и наличия пострадавших с обеих сторон;
- 4) с высоким уровнем насилия — кампании, в которой большое количество участников наносило критический ущерб государственной и/или частной собственности (подрывы зданий, уничтожение инфраструктуры и т.д.) и/или использовало огнестрельное оружие против представителей правоохранительных органов.

Градации характер приведенного разделения делает его весьма удобным при составлении баз данных. Однако оно не позволяет решить по меньшей мере две проблемы. Одна из них касается участия радикальных групп. Зачастую такие группы отличаются по своим целям от ядра протестующих, но они могут преследовать те же цели и выступать плечом к плечу с основной массой участников акции и ее лидерами. Как оценивать их роль, особенно при различии в целях? Включать ли их в ту же кампанию или выделять в отдельную? Другая проблема связана с динамикой протеста. Считать ли всю кампанию высоконасиленной, если ее участники использовали насилие только в начале или в конце, а все остальное время придерживались ненасильственных методов? На эти и многие другие вопросы представленная концептуализация не дает ответа, как не дает его ни одна другая из существующих на сегодняшний день. Причина, на наш взгляд в тех фундаментальных проблемах и ограничениях, с которыми сталкивается политическая наука при изучении протестов.

Проблема переагрегирования и динамичности протеста

³⁹ Ахременко, Беленков и Петров 2021.

⁴⁰ Bell and Murdie 2018; Grimm and Harders 2018.

⁴¹ Carey 2006.

⁴² Ives and Lewis 2019.

⁴³ Rasler 2017.

Эндогенность и методологическая гомогенизация

Как и базы проекта NAVCO, предложенное нами разграничение предполагает использование в качестве единицы анализа кампании, причем именно в версии «кампания-год». Но подобный подход не учитывает внутреннюю динамику протестных событий, усредняя их по годам (или в некоторых случаях — месяцам). В итоге протестная кампания предстает статичной единицей с четко обозначенными параметрами, хотя на практике это развивающийся и протяженный во времени процесс. Выведение за скобки внутренней динамики делает уязвимыми обоснования каузальных связей и строящиеся на них выводы³⁹. Так, то обстоятельство, что в базах NAVCO переменная максимальной численности участников в ненасильственных кампаниях в среднем выше, чем в насильственных, в действительности не говорит о каузальной связи между ненасилием и мобилизацией протестующих, поскольку в ходе самой кампании могли произойти события, которые и повлияли на увеличение/сокращение числа таковых. Более того, применение переменной максимального числа игнорирует динамику мобилизации, ведь после сотен тысяч людей на площади на последующих акциях их число по разным причинам (от репрессий со стороны государства до разочарования самих протестующих) может резко сократиться. Эта проблема давно известна и решается по-разному — например, через использование в качестве единиц временного измерения недель⁴⁰ и дней⁴¹ или сбор данных в формате «событие-день»⁴².

Однако, решая одну проблему, «переагрегирование» не в состоянии справиться с другой, и куда более широкой. Дело в том, что исследователи протестов в подавляющем большинстве случаев задействуют количественные методы и базы данных, которые требуют четко определенных переменных (часто — дихотомических). Но эти переменные статичны, тогда как ключевые параметры протестных кампаний динамичны. Это порождает множество вопросов, наиболее явные из которых, связанные с квалификацией кампаний, трансформировавшихся из ненасильственных в насильственные и наоборот, и оценкой роли радикальных флангов, были обозначены выше. На некоторые из них отдельные авторы и базы данных отвечают, причем вполне убедительно. Например, NAVCO 2.0 включает в систему кодирования возможность перехода участников кампании от мирной тактики к насильственной. Но это только одна переменная. Базы, которая смогла бы учесть все параметры, нет — и едва ли появится. На это указывает, в частности, Карен Разлер, критикуя подход к анализу протестных кампаний с опорой на базы данных⁴³.

Другая фундаментальная проблема — это эндогенность. Во-первых, используемые при формировании баз данных критерии, по сути, оставляют определение типа кампании на произвол авторов. Существующие классификации насильственных и ненасильственных протестов (в том числе предложенная нами) исключают четкие коли-

ческие параметры, поскольку их невозможно задать ввиду относительности насилия и динамичности протестной кампании. Как следствие, итоговая характеристика кампании в базе данных оказывается результатом заключений создателя этой базы. Отсюда ошибки вроде квалификации Венгерского восстания 1956 г. как ненасильственной кампании.

Во-вторых, задействованные при определении дизайна исследования и построении моделей независимые и зависимые переменные могут иметь ложную связь, а результат зависеть от некоей третьей величины. Иногда эту зависимость удается обнаружить с помощью контрольных переменных, но набор таковых заведомо ограничен, что ведет к смещению оценок и выводов⁴⁴. Об остроте этой проблемы наглядно свидетельствует представленный в последней статье Ченовет обзор ключевых исследований о влиянии вооруженных и невооруженных кампаний на исход протеста, фиксирующий противоречивость полученных в ходе них результатов⁴⁵. По заключению одних авторов, успеху демократического транзита способствует полный отказ протестующих от насилия, по заключению других — применение насилия, но невооруженного. Одни утверждают, что невооруженное насилие усиливает протестную мобилизацию, другие — что ослабляет. Одни заявляют, что наиболее успешными становятся ненасильственные кампании с насильственными флангами, другие — что таковыми являются кампании с использованием невооруженного коллективного насилия. Однако такое положение дел есть следствие не только эндогенности, но методологической гомогенизации.

Как уже говорилось, подавляющее большинство современных исследований протестов основано на количественных методах. Их результаты полностью зависят от выбранных авторами кейсов и переменных. Именно отсюда такие расхождения в оценках и выводах. Исследователи задействуют совершенно разные зависимые и независимые переменные, предикторы и ковариаты и включают в анализ разные кейсы. Некоторые основывают свои построения на материале конкретных стран⁴⁶ или регионов⁴⁷, при этом выводя за скобки местный контекст и особенности. Между тем абсолютно очевидно, что закономерности, выявленные при изучении протестов в Африке или, скажем, Латинской Америке, едва ли можно рассматривать как универсальные. О необходимости уйти от количественной методологической гомогенизации пишет и Ченовет⁴⁸, правда, не объясняя, как это сделать.

⁴⁴ *Ахременко 2024.*

⁴⁵ *Chenoweth 2023.*

⁴⁶ *Reynolds-Stenson 2017; Demirel-Pegg and Rasler 2021.*

⁴⁷ *Sullivan 2018; Ives and Lewis 2019.*

⁴⁸ *Chenoweth 2023: 72.*

Что можно предложить

Исследователями предлагались и предлагаются различные варианты решения проблемы эндогенности в количественных исследованиях. Первый возможный вариант — это квазиэксперимент с наличием экспериментальной и контрольной группы. В качестве такого квазиэксперимента можно рассматривать приводимый Андреем Ахременко пример с отключением интернета в случае протестов в Индии, где пол-

49 Ахременко 2024. номочия принимать подобные решения переданы на региональный уровень⁴⁹. В итоге в рамках одной и той же кампании в одних регионах интернет оказывается отключен, а в других — нет, что позволяет оценить эффект данной меры. Второй вариант, на который указывает тот же Ахременко, заключается в поиске экзогенного источника вариации независимой переменной⁵⁰. Однако в погоне за адекватным исследовательским дизайном авторы нередко обращаются к чересчур специфическим внешним параметрам⁵¹, которые ограничивают генерализуемость результатов исследования.

⁵⁰ Там же: 121.

⁵¹ См., напр. Enikolopov, Makarin, and Petrova 2020.

⁵² Романов, Мещерина и Коротаев 2021.

⁵³ Устюжанин, Сумерников и др. 2022.

⁵⁴ Butcher and Svensson 2016; Dahlum 2019; Устюжанин, Гринин и др. 2022.

⁵⁵ Коротаев и др. 2020.

⁵⁶ Коротаев 2014.

⁵⁷ Della Porta and Portos 2020.

⁵⁸ Bell and Murdie 2018.

Стоит отметить, что выявление влияния насильственности/ненасильственности протеста на исход кампании усложняется устоявшейся практикой трактовки протестной тактики как независимой переменной. Между тем тактика протестующих может быть следствием не их субъективного решения, а сложившихся обстоятельств и социально-экономических условий. Факторам, подталкивающим протестующих к выбору насильственной или ненасильственной тактики, посвящено немало исследований. Довольно хорошо изучена, в частности, роль демографических (доля молодежи⁵² и городского населения⁵³), социальных (уровень образования⁵⁴) и экономических (ВВП на душу населения⁵⁵, уровень бедности⁵⁶ и неравенства⁵⁷) факторов. В качестве такого фактора рассматривается также исторический опыт насилия, в том числе гражданских войн, в государстве⁵⁸. В любом случае есть основания утверждать, что и характер протестной кампании, и ее исход могут определяться контекстуальными параметрами и уникальными особенностями той или иной страны и региона.

Именно в возвращении к контексту мы видим возможное решение обозначенных выше проблем (хотя оно, безусловно, породит новые ограничения). Подобно Разлер, мы полагаем, что исследователям следует чаще обращаться к качественным методам и детально изучать отдельные протестные кампании и акции. Разумеется, это не означает отрицания важности количественных методов. Но при создании переменных недостаточно опираться на другие исследования, их следует выводить на основе анализа отдельных протестных кампаний и затем проверять с помощью количественных методов на базах данных. Именно совмещение методов дает, на наш взгляд, надежду на выход из сложившегося тупика.

Вместе с тем приходится констатировать, что общая концептуализация насильственных/ненасильственных, равно как и вооруженных/невооруженных, протестов, по-видимому, невозможна и бессмысленна. Она всегда будет наталкиваться на ограничения, преодолеть которые политическая наука не в состоянии.

Библиография

Ахременко А.С. (2024) «Отключение интернета как теоретическая проблема политической науки, или Что мы (не) понимаем в сетевой протестной мобилизации» // *Полис. Политические исследования*,

№ 2: 118—134. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2024/2/Polis-2024-2-Akhremenko.pdf> (проверено 10.06.2024).

Ахременко А.С., В.Е.Беленков и А.П.Петров. (2021) «Логика протестных кампаний: от эмпирических данных к динамическим моделям (и обратно)» // *Полис. Политические исследования*, № 3: 147—165. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2021/3/Polis-2021-3-Akhremenko.pdf> (проверено 10.06.2024).

Коротаев А.В. (2014) «О возможных экономико-психологических факторах украинской революции 2014 года» // *Историческая психология и социология истории*, № 1: 56—74.

Коротаев А.В., П.С.Сойер, Л.Е.Гринин, А.Р.Шишкина и Д.М.Романов. (2020) «Социально-экономическое развитие и антиправительственные протесты в свете новых результатов количественного анализа глобальных баз данных» // *Социологический журнал*, т. 26, № 4: 25—41. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/435855179.pdf> (проверено 10.06.2024).

Романов Д.М., К.В.Мещерина и А.В. Коротаев. (2021) «Доля молодежи в общей численности взрослого населения как фактор интенсивности ненасильственных протестов: опыт количественного анализа» // *Полис. Политические исследования*, № 3: 166—181. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2021/3/Polis-2021-3-Romanov.pdf> (проверено 10.06.2024).

Советский Союз и венгерский кризис 1956 года: Документы. (1998) М.: РОССПЭН.

Тилли Ч. (2019) *От мобилизации к революции.* М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Устюжанин В.В., Л.Е.Гринин, И.А.Медведев и А.В.Коротаев. (2022) «Образование и революции (Почему революционные выступления принимают вооруженную или невооруженную форму?)» // *Полития*, № 1 (104): 50—71. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-1\(104\)-edit-50-71.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-1(104)-edit-50-71.pdf) (проверено 10.06.2024).

Устюжанин В.В., И.А.Сумерников, Л.Е.Гринин и А.В.Коротаев. (2022) «Урбанизация и революции: количественный анализ» // *Социологические исследования*, № 10: 85—95. URL: <https://www.socis.isras.ru/files/File/2022/10/Ustyuzhanin.pdf> (проверено 10.06.2024).

Beissinger M. (2022) *The Revolutionary City: Urbanization and the Global Transformation of Rebellion.* Princeton: Princeton University Press.

Bell S.R. and A.Murdie. (2018) «The Apparatus for Violence: Repression, Violent Protest, and Civil War in a Cross-National Framework» // *Conflict Management and Peace Science*, vol. 35, no. 4: 336—354.

Butcher C. and I.Svensson. (2016) «Manufacturing Dissent» // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 60, no. 2: 311—339.

Carey S. (2006) «The Dynamic Relationship between Protest and Repression» // *Political Research Quarterly*, vol. 59, no. 1: 1—11.

Case C.M. (1923) *Non-Violent Coercion: A Study in Methods of Social Pressure.* New York, London: The Century Co.

Chenoweth E. (2019) «WCRW Web Appendix» // *NAVCO 1.1 Dataset*. URL: <https://dataverse.harvard.edu/file.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/YLLHEE/GERY7X&version=1.0> (accessed on 01.07.2024).

Chenoweth E. (2021) *Civil Resistance: What Everyone Needs to Know*. New York: Oxford University Press.

Chenoweth E. (2023) «The Role of Violence in Nonviolent Resistance» // *Annual Review of Political Science*, vol. 26: 55–77.

Chenoweth E. and O.A.Lewis. (2013) «Unpacking Nonviolent Campaigns: Introducing the NAVCO 2.0 Dataset» // *Journal of Peace Research*, vol. 50, no. 3: 415–423.

Chenoweth E. and K.Schock. (2015) «Do Contemporaneous Armed Challenges Affect the Outcomes of Mass Nonviolent Campaigns?» // *Mobilization*, vol. 20, no. 4: 427–451.

Chenoweth E. and C.W.Shay. (2022) «Updating Nonviolent Campaigns: Introducing NAVCO 2.1» // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 59, no. 6: 876–889.

Chenoweth E. and M.Stefan. (2011) *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*. New York: Columbia University Press.

Chenoweth E., A.Hocking, and Z.Marks. (2022) «A Dynamic Model of Nonviolent Resistance Strategy» // *PLoS ONE*, vol. 17, no. 7. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0269976> (accessed on 10.06.2024).

Chenoweth E., E.Perkoski, and S.Kang. (2017) «State Repression and Nonviolent Resistance» // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 61, no. 9: 1950–1969.

Chenoweth E., J.Pinckney, and O.A.Lewis. (2018) «Days of Rage: Introducing the NAVCO 3.0 Dataset» // *Journal of Peace Research*, vol. 55, no. 4: 524–534.

Dahlum S. (2019) «Students in the Streets: Education and Nonviolent Protest» // *Comparative Political Studies*, vol. 52, no. 2: 277–309.

Della Porta D. and M.Portos. (2020) «A Bourgeois Story? The Class Basis of Catalan Independentism» // *Territory, Politics, Governance*, vol. 21, no. 1: 62–71.

Demirel-Pegg T. and K.Rasler. (2021) «The Effects of Selective and Indiscriminate Repression on the 2013 Gezi Park Nonviolent Resistance Campaign» // *Sociological Perspectives*, vol. 64, no. 1: 58–81.

Enikolopov R., A.Makarin, and M.Petrova. (2020) «Social Media and Protest Participation: Evidence from Russia» // *Econometrica*, vol. 88, no. 4: 1479–1514.

Gregg R.B. (1938) *The Power of Non-Violence*. Ahmedabad: Navajivan Press.

Grimm J. and C.Harders. (2018) «Unpacking the Effects of Repression: The Evolution of Islamist Repertoires of Contention in Egypt after the Fall of President Morsi» // *Social Movement Studies*, vol. 17, no. 1: 1–18.

Ives B. and J.B.Lewis. (2019) «From Rallies to Riots: Why Some Protests Become Violent» // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 64, no. 5: 958—986.

Kadivar M.A. and N.Ketchley. (2018) «Sticks, Stones, and Molotov Cocktails: Unarmed Collective Violence and Democratization» // *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, vol. 4, no. 1: 1—16.

Nepstad S.E. (2015) «Nonviolent Resistance Research» // *Mobilization: An International Quarterly*, vol. 20, no. 4: 415—426.

Ortiz I, S.Burke, M.Berrada, and H.Saenz Cortés. (2021) *An Analysis of World Protests, 2006—2020*. London: Palgrave Macmillan.

Pinckney J. (2020) «Curving the Resource Curse: Negative Effects of Oil and Gas Revenue on Nonviolent Resistance Campaign Onset» // *Research and Politics*, vol. 7, no. 2: 1—6. URL: <https://www.nonviolent-conflict.org/wp-content/uploads/2020/06/Curving-the-Resource-Curse.pdf> (accessed on 01.06.2024).

Rasler K.A. (2017) *Dynamics, Endogeneity, and Complexity in Protest Campaigns*. URL: <https://oxfordre.com/politics/display/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-321#acrefore-9780190228637-e-321-div1-1> (assessed on 10.06.2024).

Reynolds-Stenson H. (2017) «Protesting the Police: Anti-Police Brutality Claims as a Predictor of Police Repression of Protest» // *Social Movement Studies*, vol. 17, no. 1: 48—63.

Sarkees M. R. and F.Wayman. (2010) *Resort to War: 1816—2007*. Washington: CQ Press.

Sullivan H. (2018) «Sticks, Stones, and Broken Bones: Protest Violence and the State» // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 63, no. 3: 700—726.

Tilly Ch. (2003) *The Politics of Collective Violence*. Cambridge: Cambridge University Press.

Tompkins E. (2015) «A Quantitative Reevaluation of Radical Flank Effects within Nonviolent Campaigns» // Coy P.G., ed. *Research in Social Movements, Conflicts and Change*. Vol. 38. Bingley: Emerald Group Publishing: 103—135.

Waller S.G. (2021) «Do Health Programs Contribute to Keeping the Peace? A Scientific Analysis» // *Military Medicine*, vol. 186, no. 11—12: 1227—1232.

D.A. Klestov

“WITHOUT WEAPONS”: THE PROBLEM OF CONCEPTUALIZING VIOLENT AND NONVIOLENT PROTEST IN MODERN POLITICAL SCIENCE

Daniil A. Klestov — Ph.D. Student, Doctoral School of Political Science, HSE University. Email: daklestov@hse.ru.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the academic discussion that revolves around the problem of conceptualization of violent and non-violent protest. After the author briefly documents the main milestones in the study of protest movements, he focuses on the main one — the emergence of the concept of Erica Chenoweth and her database of Nonviolent and Violent Campaign Outcomes (NAVCO). On the basis of this concept and database, as well as their criticism, the author demonstrates the existing conceptual chaos in defining and disentangling violent/nonviolent and armed/unarmed protests. According to his initial hypothesis, such chaos largely stems from the inattention to the extent of violence and disregard for its relativity. However, after the author elaborates an alternative hypothesis taking into account these factors, and it appears incapable of answering several questions that arise when studying protest campaigns, he had to conclude that the origins of this situation are far deeper.

Having examined in detail the set of problems faced by protest researchers, the author suggests that at least some of them will be solved by returning to the context, which in turn requires abandoning methodological homogenization and including qualitative methods in the research arsenal, along with quantitative ones. At the same time, according to his conclusion, the general conceptualization of violent/nonviolent, as well as armed/unarmed, protests is impossible and meaningless. It will always encounter limitations that Political Science cannot overcome.

Keywords: violent protest, nonviolent protest, nonviolent resistance, unarmed collective violence, unarmed maximalist campaign, armed maximalist campaign

References

Akhremenko A.S. (2024) “Otkljuchenie interneta kak teoreticheskaja problema politicheskoy nauki, ili Chto my (ne) ponimaem v setevoy protestnoj mobilizatsii” [Internet Shutdown as a Theoretical Problem of Political Sci-

ence, or What We Do (Not) Understand about Network Protest Mobilization] // *Polis. Politicheskije issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 2: 118–134. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2024/2/Polis-2024-2-Akhremenko.pdf> (accessed on 10.06.2024). (In Russ.)

Akhremenko A.S., V.E.Belenkov, and A.P.Petrov. (2021) “Logika protestnykh kampanij: ot empiricheskikh dannyx k dinamicheskim modeljam (i obratno)” [The Logic of Protest Campaigns: From Empirical Data to Dynamic Models (and Back)] // *Polis. Politicheskije issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 3: 147–165. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2021/3/Polis-2021-3-Akhremenko.pdf> (accessed on 10.06.2024). (In Russ.)

Bell S.R. and A.Murdie. (2018) “The Apparatus for Violence: Repression, Violent Protest, and Civil War in a Cross-National Framework” // *Conflict Management and Peace Science*, vol. 35, no. 4: 336–354.

Beissinger M. (2022) *The Revolutionary City: Urbanization and the Global Transformation of Rebellion*. Princeton: Princeton University Press.

Butcher C. and I.Svensson. (2016) “Manufacturing Dissent” // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 60, no. 2: 311–339.

Carey S. (2006) “The Dynamic Relationship between Protest and Repression” // *Political Research Quarterly*, vol. 59, no. 1: 1–11.

Case C.M. (1923) *Non-Violent Coercion: A Study in Methods of Social Pressure*. New York, London: The Century Co.

Chenoweth E. (2019) “WCRW Web Appendix” // *NAVCO 1.1 Dataset*. URL: <https://dataverse.harvard.edu/file.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/YLLHEE/GERY7X&version=1.0> (accessed on 01.07.2024).

Chenoweth E. (2021) *Civil Resistance: What Everyone Needs to Know*. New York: Oxford University Press.

Chenoweth E. (2023) “The Role of Violence in Nonviolent Resistance” // *Annual Review of Political Science*, vol. 26: 55–77.

Chenoweth E. and O.A.Lewis. (2013) “Unpacking Nonviolent Campaigns: Introducing the NAVCO 2.0 Dataset” // *Journal of Peace Research*, vol. 50, no. 3: 415–423.

Chenoweth E. and K.Schock. (2015) “Do Contemporaneous Armed Challenges Affect the Outcomes of Mass Nonviolent Campaigns?” // *Mobilization*, vol. 20, no. 4: 427–451.

Chenoweth E. and C.W.Shay. (2022) “Updating Nonviolent Campaigns: Introducing NAVCO 2.1” // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 59, no. 6: 876–889.

Chenoweth E. and M.Stefan. (2011) *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*. New York: Columbia University Press.

Chenoweth E., A.Hocking, and Z.Marks. (2022) “A Dynamic Model of Nonviolent Resistance Strategy” // *PLoS ONE*, vol. 17, no. 7. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0269976> (accessed on 10.06.2024).

Chenoweth E., E.Perkoski, and S.Kang. (2017) “State Repression and Nonviolent Resistance” // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 61, no. 9: 1950–1969.

Chenoweth E., J.Pinckney, and O.A.Lewis. (2018) “Days of Rage: Introducing the NAVCO 3.0 Dataset” // *Journal of Peace Research*, vol. 55, no. 4: 524–534.

Dahlum S. (2019) “Students in the Streets: Education and Nonviolent Protest” // *Comparative Political Studies*, vol. 52, no. 2: 277–309.

Della Porta D. and M.Portos. (2020) “A Bourgeois Story? The Class Basis of Catalan Independentism” // *Territory, Politics, Governance*, vol. 21, no. 1: 62–71.

Demirel-Pegg T. and K.Rasler. (2021) “The Effects of Selective and Indiscriminate Repression on the 2013 Gezi Park Nonviolent Resistance Campaign” // *Sociological Perspectives*, vol. 64, no. 1: 58–81.

Enikolopov R., A.Makarin, and M.Petrova. (2020) “Social Media and Protest Participation: Evidence from Russia” // *Econometrica*, vol. 88, no. 4: 1479–1514.

Gregg R.B. (1938) *The Power of Non-Violence*. Ahmedabad: Navajivan Press.

Grimm J. and C.Harders. (2018) “Unpacking the Effects of Repression: The Evolution of Islamist Repertoires of Contention in Egypt after the Fall of President Morsi” // *Social Movement Studies*, vol. 17, no. 1: 1–18.

Ives B. and J.B.Lewis. (2019) “From Rallies to Riots: Why Some Protests Become Violent” // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 64, no. 5: 958–986.

Kadivar M.A. and N.Ketchley. (2018) “Sticks, Stones, and Molotov Cocktails: Unarmed Collective Violence and Democratization” // *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, vol. 4, no. 1: 1–16.

Korotaev A.V. (2014) “O vozmoznykh ekonomiko-psikhologicheskikh faktorakh ukrainskoj revoljutsii 2014 goda” [On Possible Economic and Psychological Factors of the 2014 Ukrainian Revolution] // *Istoricheskaja psikhologija i sotsiologija istorii* [Historical Psychology and Sociology], no. 1: 56–74. (In Russ.)

Korotaev A.V., P.S.Sawyer, L.E.Grinin, A.R.Shishkina, and D.M.Romanov. (2020) “Sotsial’no-ekonomicheskoe razvitie i antipravitel’stvennye protesty v svete novykh rezul’tatov kolichestvennogo analiza global’nykh baz dannykh” [Socio-economic Development and Anti-government Protests in Light of a New Quantitative Analysis of Global Databases] // *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], vol. 26, no. 4: 25–41. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/435855179.pdf> (accessed on 10.06.2024). (In Russ.)

Nepstad S.E. (2015) “Nonviolent Resistance Research” // *Mobilization: An International Quarterly*, vol. 20, no. 4: 415–426.

Ortiz I, S.Burke, M.Berrada, and H.Saenz Cortés. (2021) *An Analysis of World Protests, 2006–2020*. London: Palgrave Macmillan.

Pinckney J. (2020) “Curving the Resource Curse: Negative Effects of Oil and Gas Revenue on Nonviolent Resistance Campaign Onset” // *Research and Politics*, vol. 7, no. 2: 1–6. URL: <https://www.nonviolent-con->

flict.org/wp-content/uploads/2020/06/Curving-the-Resource-Curse.pdf (accessed on 01.06.2024).

Rasler K.A. (2017) *Dynamics, Endogeneity, and Complexity in Protest Campaigns*. URL: <https://oxfordre.com/politics/display/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-321#acrefore-9780190228637-e-321-div1-1> (assessed on 10.06.2024).

Reynolds-Stenson H. (2017) “Protesting the Police: Anti-Police Brutality Claims as a Predictor of Police Repression of Protest” // *Social Movement Studies*, vol. 17, no. 1: 48–63.

Romanov D.M., K.V.Meshcherina, and A.V.Korotaev. (2021) “Dolja molodezhi v obshchej chislenosti vzroslogo naselenija kak faktor intensivnosti nenasil'stvennykh protestov: opyt kolichestvennogo analiza” [The Share of Youth in the Total Population as a Factor of Intensity of Non-Violent Protests: A Quantitative Analysis] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 3: 166–181. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2021/3/Polis-2021-3-Romanov.pdf> (accessed on 10.06.2024). (In Russ.)

Sarkees M.R. and F.Wayman. (2010) *Resort to War: 1816–2007*. Washington: CQ Press.

Sovetskij Sojuz i vengerskij krizis 1956 goda: Dokumenty [The Soviet Union and the Hungarian Crisis of 1956: Documents]. (1998) Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Sullivan H. (2018) “Sticks, Stones, and Broken Bones: Protest Violence and the State” // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 63, no. 3: 700–726.

Tilly Ch. (2003) *The Politics of Collective Violence*. Cambridge: Cambridge University Press.

Tilly Ch. (2019) *Ot mobilizatsii k revolutsii* [From Mobilization to Revolution]. Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Tompkins E. (2015) “A Quantitative Reevaluation of Radical Flank Effects within Nonviolent Campaigns” // Coy P.G., ed. *Research in Social Movements, Conflicts and Change*. Vol. 38. Bingley: Emerald Group Publishing: 103–135.

Ustyuzhanin V.V., L.E.Grinin, I.A.Medvedev, and A.V.Korotaev. (2022) “Obrazovanie i revoljutsii (Pochemu revoljutsionnye vystuplenija primajut vooruzhennuju ili nevooruzhennuju formu?)” [Education and Revolutions (Why Do Some Revolutions Take up Arms while Others Do Not?)] // *Politeia*, no. 1 (104): 50–71. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-1\(104\)-edit-50-71.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-1(104)-edit-50-71.pdf) (accessed on 10.06.2024). (In Russ.)

Ustyuzhanin V.V., I.A.Sumernikov, L.Ye.Grinin, and A.V.Korotaev. (2022) “Urbanizatsija i revoljutsii: kolichestvennyj analiz” [Urbanization and Revolutions: a Quantitative Analysis] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 10: 85–95. URL: <https://www.socis.isras.ru/files/File/2022/10/Ustyuzhanin.pdf> (accessed on 10.06.2024). (In Russ.)

Waller S.G. (2021) “Do Health Programs Contribute to Keeping the Peace? A Scientific Analysis” // *Military Medicine*, vol. 186, no. 11–12: 1227–1232.